

Сказала бы Варфоломею: Тебе скоро Богу в глаза смотреть, что же ты скажешь?

История Ульяны Таборовец, матушки из Берестья и типична, и уникальна. Отобранные храм и дом, проклетия односельчан-«молитвенников» из ПЦУ. И крепкая, дружная община.

На съезде гонимых **общин «Верные»**, проходившем в Киево-Печерской лавре 22 февраля, не было унылых лиц. Верующие делились своими проблемами, но не жаловались. Несмотря на то, что всех собрала общая беда, атмосфера царила приподнятая – все были очень рады видеть друг друга, пообщаться, что-то узнать, чем-то поделиться, и просто ощутить, что они не одни, что каждая община – это часть большой церковной семьи.

Матушка Ульяна Таборовец из **с. Берестье Ровенской области** даже на общем фоне выделялась энергией, искренностью, сердечностью и какой-то «настоящостью». Она была совсем не похожа на скорбную мученицу, какой православные часто рисуют себе образ супруги священника, подвергшегося атакам раскольников. Свой храм она защищала, будучи на последних месяцах беременности, а в момент захвата рожала шестого ребенка. И хотя изначально мы планировали взять у Ульяны только короткий комментарий, разговор получился, и в итоге сложилось полноценное интервью.

Как отбирался храм

– Ульяна, сколько мы общались с общинами, потерявшими храм – у всех практически одна и та же история. Как было в вашем селе?

– У нас тоже все было по стандартному сценарию. Возмутили народ, распустили неправдивую информацию о нашей Церкви, хотя мы к тому моменту прослужили уже 15 лет. Буду говорить честно – именно наши прихожане с нами и остались. Те, кто был раньше, 150-200 человек, так на службы и ходят. А кто забрал (храм – Ред.)? Те, кто сроду в церкви не был. Месяц мы защищали храм.

3 марта 2019 года мы всей общиной проголосовали в храме, что остаемся в лоне Церкви-Матери (УПЦ – Ред.). А они в то самое время в школе собрались на собрание села. Но там были не только православные. Были и пятидесятники, и баптисты. И были приезжие из других сел. Вот, например, вы родом из моего села, живете в Киеве, но приехали в село и проголосовали как житель села. То есть именно прихожан храма на собрании в школе не было, потому что все прихожане были в церкви.

После этого еще месяц мы защищали храм, было 4 попытки захвата. Первый раз это было, когда они зашли через боковые входные двери в пономарку. Человек решился на престоле проводить инвентаризацию. Он облокотился о престол и описывал то, что было в алтаре и храме. После у нас было молитвенное стояние под храмом. Мы непрерывно молились. Священники приезжали, служили акафисты, а мы молились. В то время я была на 40-й неделе беременности, это было очень тяжело перенести. А однажды, когда я была уже в роддоме, они устроили нам «коридор позора». Хотели, чтобы наши люди и батюшка прошли сквозь них, а они кричали нам "позор". Ну вот посудите – кому позор? Человеку, который пришел молиться за твое здоровье? Ну вот кому? Очень тяжело было тогда. Мы поем Иисусову молитву и «Верую», а они – «Ще не вмерла Україна». И крики, и плевки, батюшку неоднократно били в течение этого месяца.

Захватили храм 2 апреля (2019 года – прим. ред.). Милиция стояла, наших людей к храму не

допускала. Они пришли, срезали двери болгаркой. Били стариков, таскали за волосы девушек. Вспоминать сейчас очень тяжело. Люди были как безумные, понимаете? Смотришь человеку в глаза, а глаз как будто и нет. Я думаю, что те, кто там был, сейчас жалеют. В нашем районе забрали 4 храма и зачинщики все с нашего села. Нашим людям даже нельзя было спокойно пройти по улице – их оскорбляли. Да и сейчас, когда наши прихожане идут в хату молиться, их останавливают и оскорбляют матерными словами. Куда идешь? К московскому попу? И кроют матом и т.д. Они забрали храм, церковный дом и даже часовенку на церковном кладбище. Теперь, когда мы хороним наших людей, нам нужно идти к их «попу» (открыть калитку), чтобы попасть на старое кладбище. Отпеваем людей во дворе или возле могилы.

– Где вы сейчас молитесь?

– Мы молимся в нашей с батюшкой хате. У нас во дворе стоит домик, который мы давно хотели разобрать. По воле Божией так случилось, что мы его к тому времени не разобрали. И там мы сделали молитвенный дом, церковку во дворе. У нас в среднем на службе 140 человек стоит. Мы каждую неделю служим ночные Литургии. Так даже там по 50 человек приходит.

О вражде в селе

Прошло два года, и только теперь начинают общаться семьи, только теперь! До последнего времени даже семьи не общались. Но и сейчас сказать, что все прошло, нельзя. У нас и сейчас в селе идет война. Потому что идет деление на «ваших» и «наших». Это во-первых. А во-вторых, мы только собираемся купить землю для строительства храма, нам это сделать не дают. Запугивают тех, кто эту землю нам продает. Мол, попробуйте только продайте, ты предатель и т.д. Мы уже купили землю под храм, так они стали судиться.

Прописали задним числом человека на эту территорию и отсуживают у нас 6 соток земли. И мы

снова судимся. Уже 2 года у нас непрерывно идут суды. Раньше из-за храма, теперь – из-за земли. Мы просим – хотя бы верните нам нашу регистрацию (общины – Ред.). У нас же нет ничего – ни регистрации, ни храма. Потому сказать, что мы пережили... Нет, мы не пережили. Мы и сейчас это переживаем, каждый раз. Из нашего села вышло много священников. И когда смотришь, как кто-то служит в кафедральном соборе, а ты смиряешься и служишь в хате – трудно это вам передать. Это поймет только тот, кто это пережил. Вот мы сюда приехали, и снова в памяти все оживает: «позор», крики «вон московского попа...».

Власти, не делите людей!

– О чем бы вы попросили власть?

– Я хочу попросить власть – не делите людей. Мы все граждане Украины. И я тоже гражданка Украины. Мои дети – граждане Украины. Мы разговариваем, общаемся дома на украинском языке. Мы поем через день украинские песни. И почему я тогда «московская предательница»? Только потому, что я не предала веру? По Конституции Украины мы все имеем право на веру. По совести. Кто как хочет – так и верит. У нас даже сатанисты могут молиться, мусульмане могут молиться, правда? А православные христиане, как они называют нас, московского патриархата, не имеют права даже нормально похоронить человека у себя в селе! Почему?!

У нас недавно в селе случай был. Хоронили бабушку, которой было 100 лет. И когда шел их «поп» (ПЦУ – Ред.), то спросил – а чьи похороны? А ему отвечают – то московская умерла. А она хоть раз в Москве была за свои 100 лет? Какая же она московская?! Она украинка. Она всю жизнь отдала Украине. Хочу попросить власть – не делите людей, дайте нам возможность молиться. Смотрите – вот сколько храмов забрали – ведь никто назад их силой не забирал, правда? Поэтому просьба к власти одна – дайте нам зарегистрироваться как Украинская Православная Церковь, дайте нам возможность построить. Потому что, например, наш глава сельсовета сказал, мол, ты приползешь ко мне на коленях землю кланчить, а я тебе ее не дам. Мы не сохранили храм, да. Но мы сохранили людей. Люди все с нами – все, кто был с нами и остался.

О патриархе Варфоломее

– Что бы вы сказали патриарху Варфоломею?

– Что ему скоро к Богу и смотреть Богу в глаза. Что же ты, дядька, скажешь? Да, я говорю «дядька», потому что уже не считаю его патриархом, потому что он преступил каноны. Он стал сам раскольников, раз признал раскольников. Что он наделал? Люди (захватчики из ПЦУ – Ред.) себя оправдали, оправдали свои поступки. Тем, что разделили село, разделили села. У нас в районе 4 села, 4 таких церкви. Что ему (Варфоломею – Ред.) сказать? Судить я не имею права, осудить можно только поступки. Но это страшно. Это страшно – сколько он всего наделал, сколько слез пролилось. И крови пролилось по другим храмам, насколько я знаю.

***Союз православных журналистов/
Служба коммуникации ОВЦС***